

УДК 811.161.1'373
ББК 81.411.2-3

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ МОТИВАЦИИ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

З.Ю. Гуламова кызы

В статье рассмотрены устойчивые сравнения русского языка со значением «неодобрительной социальной оценки». Выявлены когнитивные признаки, мотивирующие значение сравнения. Установлено, что степень участия базовых концептов во фразообразовании обусловлена их культурной значимостью.

Ключевые слова: устойчивое сравнение, коннотация, концепт, когнитивный признак, сочетаемость.

Устойчивые сравнения в языках мира представляют собой один из наиболее распространенных видов фразеологических единиц. Образование устойчивого сравнения имеет закономерный характер, поскольку сравнение является обычным способом объяснения адресату смысла явления. Для того чтобы выразить суть сообщаемой информации, охарактеризовать обозначаемый предмет, люди, как правило, прибегают к знаниям о другом предмете, определяя один объект через другой. Те предметы, к образу которых мы обращаемся с целью более яркого представления обозначаемого, служат для нас ориентирами. Какие-то из этих ориентиров имеют индивидуальную значимость, основная же их масса формируется исторически и имеет этнокультурное значение.

Специфика сравнения как мыслительно-го процесса определена в «Философском энциклопедическом словаре»: сравнение – «познавательная операция, лежащая в основе суждений о сходстве и различии объектов; с помощью С. выявляются количественные и качественные характеристики предметов, классифицируются, упорядочиваются и оцениваются содержание бытия и познания. Сравнить – это сопоставить “одно” с “другим” с целью выявить их возможные отношения; по-

средством С. мир постигается как “связное разнообразие”» [3, с. 623]. В.А. Маслова отмечает: «Знание, извлекаемое в результате непосредственного опыта, преломляется сознанием в соответствии с уже имеющимся эмпирическим опытом. Более того, реальные онтологические фрагменты мира приобретают как бы тропеические черты в наивной картине мира, находящей отражение в языке. Например, метафоризация – основная ментальная операция, способ познания и объяснения мира – связана с процессом отражения и обозначения нового знания через старое» [2, с. 11].

Универсальность и обычность сравнения как способа более яркого представления явления делает систему сравнений в любом языке практически безграничной. Ее эволюция и появление с развитием культуры и общества все новых объектов сравнения обуславливает внимание ученых к сравнениям, использующимся в современных СМИ, современной художественной литературе, разговорной речи людей, занятых в различных сферах деятельности. Однако это не устраняет необходимости всестороннего исследования тех сравнений, которые употребляются носителями языка на протяжении веков. Именно устойчивые сравнения, ставшие фактами языка, отражают систему стандартных ориентиров, сложившихся в процессе развития этноса.

Устойчивые сравнения русского языка дифференцируются в зависимости от объекта сравнения, который может иметь как слож-

ный (ситуационный), так и относительно простой (индивидуальный) предметный характер. Например, устойчивое сравнение *как баран на новые ворота (смотреть)* имеет в качестве ориентира целостную ситуацию: *баран* способен особым чутьем находить родной двор, а *новые ворота* сбивают его с толку; компоненты ситуации *баран* и *ворота* связаны действием (*смотреть*).

В устойчивых сравнениях с предметным ориентиром, например: *как атлас, как бомба, как бусинки* и т. д. – особое значение приобретает концептуальный характер объекта сравнения, хорошо известного носителям языка.

В статье анализируются устойчивые сравнения с предметным ориентиром, входящие в группу с общим значением «социальный статус и социальная оценка человека» и выражающие неодобрительную социальную оценку: *как кисейная барышня, как институтка, как клоун, как паяц, как пажон, как побирушка, как сапожник, как скоморох, как базарная торговка, как фанатик, как фарисей, как шпион, как шут, как юродивый* и др. Рассмотрим некоторые из них более подробно.

Существительные, эксплицирующие в русском языке концепты «клоун», «паяц», «скоморох», «шут», обнаруживают негативную коннотацию. Характерно, что переносные значения слов *клоун, паяц, скоморох и шут* развиваются по одной и той же модели: они маркированы как стилистически сниженные (см.: СРЯ, с. 279, 495, 722, 899). Причем в прямом значении ни одного из этих слов не содержится компонентов, связанных с негативной оценкой. Следовательно, с ней сопряжены какие-либо когнитивные признаки, характеризующие соответствующие концепты в русском языковом сознании.

Рассматриваемые существительные выражают общий когнитивный признак ‘смешить людей’ или ‘быть смешным’. С точки зрения социальных моделей смысл может быть представлен в следующей формулировке: ‘человек, профессия которого заключается в том, чтобы смешить людей’.

Следует отметить, что у многих народов образы клоуна, шута, скомороха, паяца воспринимаются как негативные. Что касается образа шута, то он также ассоциируется с муд-

рецом и, что значительно важнее, с тем единственным человеком из окружения короля, который мог позволить себе сказать ему правду.

Можно сделать следующее предположение о причинах когнитивного характера, приводящих к формированию отрицательной оценки: народ на протяжении всего года занимался тяжелым физическим трудом, поэтому работа любого артиста представлялась ему баловством; кроме того, каким бы высоким ни было искусство шута, скомороха или паяца, внешне оно всегда выглядело как кривлянье (даже пародии, в которых народ узнавал сильных мира сего, воспринимались как паясничество).

Так, устойчивое сравнение *как шут* выражает только один когнитивный признак концепта «шут» – ‘кривляться’, который и мотивирует появление отрицательной коннотации.

В «Словаре устойчивых сравнений русского языка» сравнение *как шут* зафиксировано в следующем значении: «как (словно, точно) шут <гороховый>. *Вести себя, выглядеть, одеваться, наряжаться* – смешить своим видом, поведением. О мужчине» (СУСРЯ, с. 780). Это же значение выражает данное сравнение в ином грамматическом оформлении «шутком гороховым вести себя, выглядеть, наряжаться» (там же).

Пренебрежение к тому, кто выглядит как шут гороховый, выражено устойчивым сравнением, непосредственно обозначающим социальное отношение: «Как (словно, точно) на шута <горохового>. *Смотреть* на кого-л. (относиться к кому-л.) – несерьезно, со снисходительным неодобрением или пренебрежением» (там же).

В указанном словаре также отмечены обороты *смотреть как на дурака* (дурачка), *как на сумасшедшего, как на чудака, как на юродивого*, являющиеся синонимами оборота *смотреть как на шута горохового*. Однако между ними имеются существенные, на наш взгляд, различия, связанные с характером базового концепта. Так, концепты «шут» и «юродивый» культурно обусловлены, в то время как понятия «дурак», «сумасшедший» и «чудак», хотя и являются универсальными, концептуально не оформляются. Кроме того, шут гороховый – это не сумасшедший, следовательно, *смотреть как на шута горохового* не означает *смотреть как на сумасшедшего* = «остолбенеть», «махнуть рукой» и т. д. (СУСРЯ, с. 661).

Важно также отметить, что среди синонимов оборота *как на шута смотреть* нет ни одного с идентичными компонентами *паяц, скomorох, клоун*, однако среди синонимов оборота как шут гороховый приводятся вести себя, наряжаться как клоун, как паяц, как скomorох (СУСРЯ, с. 780). Т.Н. Бунчук указывает, что в русских говорах фиксируется употребление фразеологизмов, весьма близких по значению *шуту гороховому: чудо гороховое, чучело заболотское, вешало гороховое*. У всех этих фразеологизмов наличествует сходный комплекс константных семантических элементов: 'выделенность из ряда', 'смех', 'нелепость/необычность (вида, поведения, одежды)', 'неодобрительный модус' [1, с. 120].

Сравнение *как паяц* зафиксировано в «Словаре устойчивых сравнений русского языка» в следующем значении: «как (словно, точно) паяц (*книжн., устар.*) Кривляться, дергаться; ломаться, гримасничать, чудить» (СУСРЯ, с. 455). Среди синонимов даются *кривляться как клоун, как скomorох, как шут* (там же). Однако сопоставление сочетаемостных возможностей указанных устойчивых единиц позволяет выявить различия синонимичных сравнений. Так, глаголы *кривляться, ломаться, гримасничать, чудить*, составляющие окружение сравнений *как паяц, как скomorох* «плясать, кривляться, чудить; несерьезно вести себя, потешно выглядеть» (там же, с. 599), не указываются в окружении оборота *как шут*, что, по-видимому, обусловлено концептуальной ценностью, обособленностью и самостоятельностью концептов «шут», «паяц» и «скomorох».

Таким образом, устойчивые сравнения с общим значением «пренебрежительное отношение к поведению, внешнему виду» – *как клоун, как скomorох, как паяц* – обнаруживают идентичные семантику и сочетаемостные возможности. Что касается сравнения *как шут*, то оно в семантическом плане оказывается сложнее; социальная оценка, им выражаемая, связана с пренебрежительным отношением не только к сознательному паясничеству, но и к естественному состоянию человека «не от мира сего».

Негативной является социальная оценка изнеженного и капризного или неприспособленного к жизни взрослого человека, выраженная устойчивыми сравнениями *как кисейная барышня* и *как институтка*, которые мотивиро-

ваны соответствующими когнитивными признаками. Объектом сравнения в данном случае служат образы кисейной барышни и институтки. Фактически здесь мы имеем дело с одним образом – изнеженной, легкомысленной, беспомощной девушки. Характерно, что оба устойчивых сравнения устарели, поскольку изменились реалии – утратились объекты сравнения. Однако поведенческие особенности людей, обобщенные в этих сравнениях, существуют и сегодня, для их обозначения используется более употребительный, хотя и лишенный культурно-исторической мотивации, фразеологизм *маменькин сыночек*.

Устойчивое сравнение *как базарная торговка* стилистически маркировано как презрительное и в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова определяется как «о грубой и крикливой женщине» (СРЯ, с. 40). Социальная оценка, выражаемая рассматриваемым сравнением, мотивирована одним когнитивным признаком – 'ругань/брань/ор'.

Итак, в устойчивых сравнениях русского языка, выражающих неодобрительную социальную оценку, механизм сравнения эксплицитирован, при этом актуализируется какой-либо один когнитивный признак, свойственный объекту сравнения. Будучи коммуникативной единицей, устойчивое сравнение, с одной стороны, стремится максимально точно и ярко представить особенности того явления, которое уподобляется стандартному ориентиру, с другой стороны, в процессе уподобления более четко обрисовываются контуры и самого объекта сравнения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бунчук, Т. Н. Шут гороховый / Т. Н. Бунчук // Русская речь. – 2012. – № 4. – С. 119–124.
2. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика / В. А. Маслова. – Минск: ТетраСистемс, 2005. – 256 с.
3. Сравнение // Философский энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1989. – С. 623.

СЛОВАРИ

СУСРЯ – Огольцев, В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка / В. М. Огольцев. – М.: АСТ: Астрель, 2001. – 800 с.

СРЯ – Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М.: Русский язык, 1990. – 917 с.

**COMPARATIVE TURNS IN RUSSIAN SIGNIFYING SOCIAL STATUS
AND NEGATIVE CONNOTATION**

Z. Yu. Gulamova gyzy

The article deals with the comparative Russian cliches connoting social negativity. The focal issue is cognitive specificity that motivates the semantics of comparative patterns. It is stated that the degree of the basic concept involvement in phrase formation is postulated to arise their cultural significance.

Key words: *comparative cliché, social status, connotation, concept, typology, cognitive sign.*